

*Посвящается,
как всегда, Гарольду —
за то, что отыскал
источник Мимира*

*Приношу сердечную благодарность
Кристин Йоханнсдоттир, профессору
из Исландии, за то, что взяла на себя труд про-
честь мою рукопись и подсказала фрагменты
диалога на исландском.*

*Благодарю доктора Уильяма Ратклиффа
за то, что открыл мне доступ к библиотеке
Стэнфордского университета.*

*Выражаю искреннюю признательность
моему сыну Дэниелу и моему племяннику Ней-
тану, подсказавшим мне образ
Олава Однобрового. И, как всегда,
спасибо Ричарду Джексону —
за то, что согласился рискнуть.*

• СОДЕРЖАНИЕ •

- 8 • **КАРТЫ**
- 12 • **ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА**
- 17 • **ГЛАВА 1. ЯГНЯТА**
- 29 • **ГЛАВА 2. УЧЕНИК**
- 39 • **ГЛАВА 3. ТЕНЬ ИЗ-ЗА МОРЯ**
- 49 • **ГЛАВА 4. ДОЛИНА БЕЗУМЦЕВ**
- 60 • **ГЛАВА 5. ЗОЛОТОЙ ЧЕРТОГ ХРОДГАРА**
- 71 • **ГЛАВА 6. ВОЛЧЬЕГОЛОВЫЕ**
- 81 • **ГЛАВА 7. СУДНЫЙ ДЕНЬ**
- 92 • **ГЛАВА 8. ОХРАННАЯ РУНА**
- 100 • **ГЛАВА 9. МАРА И ВСАДНИК**
- 114 • **ГЛАВА 10. ОЛАВ ОДНОБРОВЫЙ**
- 127 • **ГЛАВА 11. ВОИТЕЛЬНИЦА**
- 141 • **ГЛАВА 12. НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК**
- 152 • **ГЛАВА 13. ОЛАВ РАССКАЗЫВАЕТ
О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ**
- 162 • **ГЛАВА 14. ЗАПЛУТАВШАЯ ПТИЦА**
- 176 • **ГЛАВА 15. ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ**
- 189 • **ГЛАВА 16. ГИЦУР ПАЛЬЦЕДРОБИТЕЛЬ**
- 199 • **ГЛАВА 17. РУНА**
- 211 • **ГЛАВА 18. МОРЕ ТРОЛЛЕЙ**
- 222 • **ГЛАВА 19. С ПРИЕЗДОМ!**
- 233 • **ГЛАВА 20. ВЕДУНЬЯ**
- 249 • **ГЛАВА 21. ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНА**
- 261 • **ГЛАВА 22. ПРОРОЧЕСТВО ХЕЙДИ**
- 269 • **ГЛАВА 23. ТРИУМФ ОЛАВА**
- 288 • **ГЛАВА 24. ПРИКЛЮЧЕНИЕ**
- 299 • **ГЛАВА 25. ЁТУНХЕЙМ**

- 313 • ГЛАВА 26. ДРАКОН
- 327 • ГЛАВА 27. ЗАВАЛ
- 335 • ГЛАВА 28. СЛАВА
- 352 • ГЛАВА 29. МЕРЗЛАЯ РАВНИНА
- 364 • ГЛАВА 30. СМЕРТЬ С НЕБЕС
- 377 • ГЛАВА 31. ГЛУХАРКА
- 389 • ГЛАВА 32. ЛЕДЯНАЯ РАДУГА
- 397 • ГЛАВА 33. ФОНН И ФОРАТ
- 407 • ГЛАВА 34. ЧЕРТОГ ГОРНОЙ КОРОЛЕВЫ
- 419 • ГЛАВА 35. ИГГДРАСИЛЬ
- 429 • ГЛАВА 36. ИСТОЧНИК МИМИРА
- 442 • ГЛАВА 37. ДАРЫ КОРОЛЕВЫ
- 454 • ГЛАВА 38. ПАУЧЬЯ МУЗЫКА
- 468 • ГЛАВА 39. ПРОЩАЙ, ЁТУНХЕЙМ!
- 480 • ГЛАВА 40. ТОПЬ ФРЕЙИ
- 495 • ГЛАВА 41. ЛЮСИ ВЕРНУЛАСЬ
- 503 • ГЛАВА 42. ДЖЕК И ДЖИЛЛ
- 517 • ГЛАВА 43. СНОВА ДОМА!
- 533 • **ПРИЛОЖЕНИЯ**
 - Святой остров
 - Скандинавы
 - Особенности исландского произношения
 - Тролли, ётуны, инеистые великаны
 - Ивар Бескостный
 - Берсерки
 - Барды и скальды
 - «Джек и Джилл»
- 538 • **Библиография**
- 542 • **Об авторе**

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В VIII–IX вв.

После того как Британия освободилась от римского владычества и вновь распалась на ряд независимых областей, обитавшие там народы стали всё чаще подвергаться жестоким разбойным нападениям с севера. В те далекие времена Джек стал учеником Барда по прозвищу Драконий Язык и был захвачен в плен свирепыми викингами под водительством Олава Однобрового.

Утгард — в германо-скандинавской мифологии мир, располагающийся где-то далеко-далеко на севере и существующий по своим особым законам, мир магии, недоступный простым смертным.

ИГГДРАСИЛЬ

(или Мировое Древо) — исполинский ясень, в представлениях древних скандинавов — основа мироздания, древо жизни и судьбы, связывающее все девять миров скандинавской мифологии.

Верхние миры — небесные:

Асгард — мир асов (первых богов)

Ванахейм — мир ванов (других богов)

Альвхейм — мир светлых альвов (эльфов)

Средние миры — земные:

Мидгард (или Срединный мир) — мир людей

Ётунхейм — мир великанов

Муспельхейм — мир огня

Нижние миры — подземные:

Свартальвхейм — мир карликов-двергов (гномов)
и темных альвов

Хельхейм — мир мертвых

Нифльхейм — мир холода и тьмы

У корней Иггдрасиля скрыт питающий его источник великана Мимира, дарующий мудрость и поэтическое вдохновение. Он-то и является целью опасного путешествия Джека и его спутников.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Люди (САКСЫ)

ДЖЕК – в начале книги ему одиннадцать лет
ЛЮСИ – сестра Джека; в начале книги ей пять лет
МАТЬ ДЖЕКА И ЛЮСИ – ведунья
ОТЕЦ ДЖЕКА И ЛЮСИ – Джайлз Хромоног
БАРД – друид из Ирландии;
известен также под прозвищем Драконий Язык
АЛЛИСОН – мать Торгиль
КОЛИН – сын кузнеца
БРАТ АЙДЕН – монах со Святого острова

Люди (СКАНДИНАВЫ)

ОЛАВ ОДНОБРОВЫЙ – предводитель Берсерков Королевы
СВЕН МСТИТЕЛЬНЫЙ – воин из отряда Олава
ЭРИК КРАСАВЧИК – воин из отряда Олава
ЭРИК БЕЗРАССУДНЫЙ – воин из отряда Олава;
боится темноты
ЭРИК ШИРОКОПЛЕЧИЙ – воин из отряда Олава;
боится темноты
РУНА – скальд, потерявший голос
ТОРГИЛЬ – мечтает стать берсерком; двенадцать лет
ТОРГРИМ – отец Торгиль, прославленный берсерк
ЭГИЛЬ ДЛИННОЕ КОПЬЕ – капитан корабля; не берсерк
ГИЦУР ПАЛЬЦЕДРОБИТЕЛЬ – хозяин усадьбы,
клятвопреступник
МАГНУС МУЧИТЕЛЬ – хозяин усадьбы
ЭЙНАР СОБИРАТЕЛЬ УШЕЙ – хозяин усадьбы;
коллекционирует уши

Хейди – старшая жена Олава; ведунья,
родом из Финнмарка
Дотти и Лотти – младшие жены Олава
Скакки – сын Олава и Хейди; шестнадцать лет
Торир – брат Торгиль
Хродгар – король Золотого чертога
Бевульф – прославленный воин
Ивар Бескостный – король Олава;
женат на Фрит Полутрольше
Древесная Нога – друг Эрика Красавчика;
нога откушена троллем
Свиное Рыло, Грязные Штаны, Толстоног,
Болван и Болванка – рабы
Хильда – дочь Олава и Лотти

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ

Отважное Сердце – благородный ворон
Облачногривый – конь,
чьи предки родом из страны альвов
Медб – ирландский волкодав
Задира, Волкобой, Ведьма, Кусака – щенки Медб
Золотая Щетина – троллий кабан со скверным характером
Кошки Фрейи – девять гигантских тролльих кошек
с роскошной рыже-золотой шерстью
Снежные совы – семейство из четырех сов в Ётунхейме
Драконица – самка с выводком драконят
Глухарка – птица размером с индюшку,
с десятью пестрыми цыплятами
Рататоск – белка-сплетница, бегаёт вверх-вниз
по Иггдрасилю

ЁТУНЫ (ТРОЛЛИ)

ГОРНАЯ КОРОЛЕВА – Гламдис, владычица Ётунхейма

ФОНН – дочь Горной Королевы; говорит на языке людей

ФОРАТ – дочь Горной Королевы; говорит на языке китов

БОЛТОРН – отец Фонн и Форат; старший супруг

Горной Королевы

ПРОЧИЕ, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ КЛАССИФИКАЦИИ

ФРИТ ПОЛУТРОЛЛЬША – оборотень; дочь Горной Королевы
и неизвестного человека; жена Ивара Бескостного

ФРОТИ – сестра Фрит; оборотень; мать Гренделя

ГРЕНДЕЛЬ – чудовище; его отец был великаном-людоедом

НОРНЫ – никто не знает в точности, кто такие норны,

однако они весьма могущественны

ЯГНЯТА

Джек проснулся еще до первого света и полежал немного, слушая, как холодный февральский ветер хлещет по стенам дома. Вздыхнул: похоже, сегодня опять не распогодится. Поглядел на стропила, наслаждаясь последними минутами тепла. Спал он на постели из сухого вереска, закутавшись, словно в кокон, в несколько шерстяных одеял. Пол представлял собою углубление в земле: ветер, просачиваясь под дверь, свистел у Джека над головой.

Дом был добротный: благодаря дубовым стволам-опорам, установленным корневищами кверху, от земли не тянуло сыростью. Отец возводил жилище, можно сказать, на глазах у Джека: мальчику тогда только семь стукнуло. Отец-то думал, этакая сложная задача — не детского ума дело, но Джек всё схватывал на лету. Он

внимательно наблюдал за работой отца и даже теперь, спустя четыре года, не сомневался, что сможет построить дом своими руками. Что-что, а память у мальчишки была цепкая.

В дальнем конце длинной комнаты мать вздвухнула огонь для стряпни. Отблески плясали на чердаке. Там было теплее, зато дымно. Родители и сестра спали наверху; Джек предпочитал свежий воздух у двери.

Мать засыпала овес в кипящую воду и яростно размешивала кашу. Потом добавила меда — даже со своего места Джек почувствовал аромат. На углях накалялась кочерга — подогревать сидр; чаши мать загодя расставила в ряд на полке.

— Ну и холодина, — пожаловалась Люси с чердака. — А можно мне завтрак в постель?

— Принцессы таких пустяков, как холод, не боятся, — пожурил отец.

— Принцессы живут в замках, — не задержалась с ответом Люси.

— Да, только не похищенные принцессы.

— Хватит ей потакать, — заворчала мать.

— Пап, а я правда потерялась? — не отставала Люси. Она просто обожала эту байку.

— Ненадолго. Потому что тебя нашли мы, — ласково объяснил отец.

— Я лежала под розовым кустом с золотой монеткой в руке?

— Ты родилась в этом самом доме, а не в каком-то там заоблачном замке, — пробурчала мать. Она ткнула раскаленной кочергой в первую чашу с сидром: в воздухе разлился пряный аромат яблок. Джек знал: Люси

всё равно не послушает мать. Конечно, быть похищенной принцессой куда интересней, чем деревенской замарашкой. Впрочем, золотая монета вполне себе настоящая. Отец нашел ее в земле, вскапывая грядки в саду. На монете красовалась мужская голова: отец сказал, римского императора.

— В один прекрасный день мимо проедет отряд рыцарей, — промолвила Люси.

— Рыцари ищут тебя с тех самых пор, как тролли украли тебя из замка, — подхватил отец. — Тролли собирались тебя съесть, солнышко, но сама знаешь, тролли есть тролли, они тут же и переругались.

— «А не изжарить ли нам ее с яблоком во рту?» — повторяла Люси затверженную едва ли не наизусть сказку. — «Или запечь в пирог?»

— «В пирог! В пирог!» — взревела одна половина троллей. А другая завопила: «Зажарить её, зажарить!» Так что тролли передрались промеж себя — и очень скоро валялись на земле без чувств. А я как раз проходил мимо — и нашел тебя.

— В один прекрасный день в нашу дверь постучатся рыцари, — мечтала вслух Люси. — Поклонятся мне и скажут: «Поедем с нами; будь нашей королевой».

— И зачем ты забиваешь девчонке голову всякой чепухой? — рассердилась мать.

— А чего в том дурного? — откликнулся отец.

Джек знал, что мать потеряла двоих малышей еще до того, как родился он сам, и еще двоих — после. Она уж думала, что больше детей у нее не будет, но однажды, ко всеобщему изумлению, произвела на свет последнего ребенка — девочку, да такую хорошенькую!

Волосы у Люси были золотые, как солнышко. А глаза — цвета лесных фиалок, что растут в самой глуши. Легонькая, точно пушинка чертополоха, и беспечная, словно жаворонок, — вот какая она была. А поскольку в пятилетней малышке все души не чаяли, то и она, в свою очередь, обожала весь мир. И, несмотря ни на что, Джек просто не мог испытывать к ней неприязни.

Отец между тем спускался с чердака по приставной лестнице с Люси на руках — и охота ж ему таскать такую тяжесть! Девчонка-то уже большая выросла! Джек заметил, как по лицу отца скользнула тень боли, пока тот неуклюже переступал с одной перекладки на другую. Но отражалась в нём и радость — радость, что так редко проявлялась в его чертах, когда Джайлз Хромоног глядел на своего сына Джека.

Джек сбросил одеяла, встал и потянулся, всем своим существом вбирая новый день. Подобно прочим, спал он в одежде, так что не нужно было тратить время на одевание.

Он вытащил клок шерсти, которым была заткнута щель под дверью, и выбрался наружу. Над восточным морем растекался серый свет. Он просачивался на болота и разом, словно обрываясь, гас в темном лесу на западе. Небо было цвета черного льда. Да уж, денек предстоит мерзопакостный.

Джек помчался в уборную, подпрыгивая на бегу, чтобы промерзшая земля не липла к башмакам. Бард говорил, инеистые великаны подстерегают неосторожных смертных, дабы заледенить их своим морозным дыханием. Нельзя, никак нельзя засыпать под открытым небом в разгар зимы, даже если очень хочется. Вот так

инеистые великаны тебя и сцапают — нашептывая, как тепло тебе будет во сне.

Из уборной Джек стремглав бросился домой, впопыхах поскользнувшись на заледенелой луже, влетел в дверь и немного потоптался у порога, отогревая занемевшие ноги. От мальчика валил пар.

— Что, холодно? — спросил отец. Он сидел у огня, держа Люси на коленях.

— Холодно, как у тролля в...

— Только посмей выругаться, — оборвала его мать.

Джек, усмехнувшись, плюхнулся на пол перед очагом. Мать протянула ему чашу с сидром, и мальчик с наслаждением принялся отогревать руки.

— Овцы, небось, ягнятся, — заметил отец.

— Так и есть, — кивнула мать.

— Обожаю маленьких ягнят, — проворковала Люси, обнимая ладошками чашу с сидром.

— А всё потому, что не тебе тащиться на луг искать милых крошек, — отозвался Джек.

— Так постановил Господь, — сказал отец. — Адам согрешил, засим все мы ныне вынуждены добывать хлеб насущный в поте лица своего.

— Аминь, — подхватила мать.

Джек задумался, с какой стати то, что произошло на заре мировой истории, до сих пор не дает покоя. Сколько, интересно, должно пройти времени, чтобы наказание себя исчерпало? Разве не разумно было бы со стороны Господа, спустя лет этак с тысячу, объявить: «Ладно, ладно, хватит с вас. Возвращайтесь в Эдем»? Но вслух Джек этого не сказал. У отца религия — больное место; лучше его не задевать — того и гляди схлопочешь.

Некогда отец мечтал стать священником, но его семья была недостаточно богата, чтобы заплатить аббатству сколько следует. Об этом он сокрушался и по сей день, тем более что с изувеченной ногой труженику-селянину приходится куда как несладко.

Поездка на Святой остров осталась для отца самым светлым воспоминанием детства. Мальчика повезли туда в надежде на исцеление; и при виде монахов, живущих мирной, безмятежной жизнью, юный Джайлз преисполнился благоговения. Им не нужно тянуть плуг по каменистой земле, не нужно рубить дрова в жутком темном лесу, прислушиваясь, не подкрадываются ли волки или, того еще хуже, гоблины: такие, моргнуть не успеешь, сцапают мальчишку и сожрут с потрохами.

Но увы, излечить Джайлза Хромонога от увечья оказалось не под силу даже добрым монахам. Святые отцы сделали что могли. Они угощали мальчика мягким белым хлебом и жареной ягнатиной, приправленной розмарином. И читали над ним молитвы в часовне с витражным оконцем, что переливалось на солнце всеми цветами радуги.

— Думаю, починю-ка я сегодня крышу амбара, — промолвил отец.

Джек нахмурился. Это означало, что неблагодарная работа искать ягнят выпадет на его долю. Мальчуган сунул оставшийся с вечера ломоть хлеба в овсянку. Если сухарь не размочить, его попробуй разгрызи. На зубах поскрипывал песок — темные, густо замешенные хлебы, что пекла мать, без песка вовек не обходились.

— Пап, а можно я посмотрю? — спросила Люси.

— Конечно, родная. Только не сиди под лестницей. Это дурная примета.

«Еще бы не дурная — отец, чего доброго, молоток ей на голову уронит», — подумал Джек. Но вслух опять ничего не сказал.

— На этой неделе наша очередь кормить Барда, — напомнила мать.

— Я сбегаяю, — тут же вызвался Джек.

— Еще как сбегашь, — сказал отец. — Даже не надейся увильнуть: ягнята ягнятами, а к Барду сбегашь как мильский.

Ну вот, так всегда, подумал про себя Джек. Он от души предлагает помочь, а отец вечно толкует его слова в худшую сторону. Впрочем, новое поручение так обрадовало Джека, что досаду как рукой сняло.

Мальчуган поспешно дожевал хлеб с овсянкой, одним глотком допил горячий сидр — и стал готовиться к долгому дню. Напихал шерсти в свои худые башмаки, чтобы пальцы не мерзли. Обмотал ноги лишним слоем ткани, надел вторую рубашку, а поверх набросил плащ — тяжелый, зато теплый. Пропитанный жиром, плащ надежно защищал от дождя. Под конец Джек взвалил на плечи узел с припасами.

— И смотри там, не задерживайся, не докучай Барду, — крикнул отец сыну вслед.

Ветер тут же взметнул плащ и набросил его мальчику на голову. Джек выпутался из складок и закутался поплотнее. Под ногами похрустывал иней. Воздух был кристально прозрачен; за лесом, на западе, Джек различал горы, а на востоке — холодное море. На прибрежном утесе притулилась древняя римская вилла, жилище Барда. Ветер рвал на клочки тонкую струйку дыма.

Джек всё гадал, с какой стати старик надумал поселиться именно здесь. Дом давно пришел в запустение;

сколько ни топи — всё равно от промозглой сырости не избавишься. Но, может, Барду нравится жить рядом с морем. Оттуда-то он и явился: приплыл на крохотном коракле — сплетенной из ивняка и обтянутой шкурами лодочке, что подпрыгивала на волнах вверх-вниз, точно детская игрушка. Просто чудо, что Бард добрался до берега живым и невредимым; надо думать, без магии тут никак не обошлось.

Сердце у Джека так и затрепыхалось в груди. Он, конечно же, знал, что его мать тоже умеет творить простенькую магию: это от нее Джек научился разговаривать с пчелами и песней успокаивать испуганную скотину. Но Бард знал заклинания посерьезнее. Ходили слухи, будто он способен свести врагов с ума, просто подув в соломинку. А еще он умел призывать северный ветер и разговаривать с воронами.

Старик объявился в деревне два года назад — и тотчас принялся распоряжаться, как у себя дома. В мгновение ока он обосновался на римской вилле, где, словно по волшебству, появились кровать, стол, стопка одеял и запас снеди. Прав его никто не оспаривал.

— Господин, я принес еды, — крикнул Джек, поднявшись на крыльцо. И прислушался, не раздадутся ли старческие шаги. Очень скоро послышался вздох и глухое постукивание посоха. Бард распахнул дверь — и просиял от удовольствия:

— Джек! Славно-то как!

Вот за это, помимо всего прочего, Джек и любил старика. Тот никогда не ворчал: «Как, опять ты?» Напротив, словно бы искренне радовался его приходу.

— Я подогрею сидр? — предложил Джек.

— А! Отменный напиток твоей матери! — одобрительно проговорил Бард. — У нее мудрые пальцы, мальчик. Запомни мои слова.

Джек сунул кочергу в огонь и плеснул сидра в чашу.

— Я так понимаю, ты нынче утром пойдешь ягнят собирать, — обронил Бард, усаживаясь и вытягивая костлявые ноги к огню. — Ежели хочешь знать, так нынче шесть овец окотилось. Все — на западном пастбище.

Джек ни на миг не усомнился в словах старика. Бард обладает даром провидения, это вам кто угодно подтвердит. Может, он превращается в птицу и летает над полями, а может, с пробегающими мимо лисами разговаривает — поди пойми! Но только Бард ведал обо всём, что происходит вокруг, — и о многом сверх этого.

Джек дождался, чтобы кочерга раскалилась докрасна, и погрузил ее в чашу — сидр так и зашипел.

— Может, мне собрать пла́вника, господин? — спросил мальчик. Уж очень ему не хотелось уходить от старика.

— С этими ягнятами ты полдня провозишься, — отозвался Бард, с наслаждением вдыхая аромат горячего сидра. — Возвращайся, когда закончишь.

Джек ушам своим не поверил: да полно, может, он чего недослышал? Обычно если его и терпели рядом, так только затем, чтобы поручить какую-нибудь работу.

— Тебе нужна помощь, господин? — вежливо осведомился он.

— Помощь? *Помощь*, желуденок ты непроросший? Клянусь бровями Одина, я тебя на обед зову! Или, может, тебе письменное приглашение выслать? Нет-нет, — вздохнул старик, — ты ведь его, как ни жаль, всё равно не сумеешь прочесть. Тебя ж никогда и буквам-то

не учили. Мать я твою ни в чем не виню. Она старается как может — с этим ее помешанным на монашестве муженьком...

Бард еще некоторое время толковал сам с собою, согревая руки над чашей с сидром. О присутствии Джека он, похоже, напрочь забыл.

— Я буду рад прийти, — промолвил мальчик.

— Что? А, да, хорошо, — отозвался Бард, жестом отпуская гостя на все четыре стороны.

Джек был настолько потрясен случившимся, что добрался до западного пастбища сам не помня как: пришел в себя уже на склоне холма. Ветер трепал его плащ, лед впивался в башмаки. Ну и на кой он сдался Барду? Десяток мальчишек таскали плáвник и воду на римскую виллу, но никто из них, насколько Джек знал, к обеду сроду не приглашался.

Так с какой же стати отметили именно его, Джека? Сын вождя повыше его ростом — и уж точно не такой неуч. Сын кузнеца посильнее будет. Сын мельника носит Барду отменные белые хлебы. А Джек — глядя правде в глаза — самый что ни на есть обыкновенный, ничем не примечательный мальчишка. За что ж ему такая честь?

Первого из ягнят он нашёл под изгородью. Матка бросилась на Джека, но тот пинком прогнал ее прочь. Черномордые овцы были дикими, что твои горные козы. Джек спрятал дрожащего новорожденного ягненка под плащ и помчался вниз по холму, на бегу отбиваясь от неугомонной мамыши. Уложил ягненка на солому в хлеву — и в дверях еле увернулся от овечьих рогов.

Так Джек и бегал туда-сюда, пока не отыскал всех шестерых. К тому времени он перемазался по уши и был весь

в синяках: что-что, а лбы у овечек крепкие. «Ненавижу овец», — подумал он, с треском захлопывая дверь хлева.

— Не забудь их покормить, — крикнул отец с крыши.

— Уже покормил, — отозвался Джек. Ну почему отец в жизни не скажет: «Целых шесть ягнят? Молодец, сынок!» Почему ему никак не угодишь?

Люси, невзирая на отцовские предостережения, сидела именно что под лестницей. Закуталась в овчину, только нос торчит: ни дать ни взять толстенький крольчонок. Девчушка приветливо помахала брату, и Джек, забыв о досаде, махнул рукой в ответ. Что ни говори, а злиться на Люси ну никак невозможно.